

Вечернее признание поэта Петра Ермолаева в городе Боготоле

Я купался в Чулыме,
В кучевых облаках...
Я ветрами шальными
И цветами пропах...
Взбудораженный соком
Боготольских берёз,
Я взрослел ненароком,
Я стремительно рос...
...С каждым годом прощаясь,
Никого не виню.
Каждый год возвращаюсь,
Навещаю родню.
И берёзовым соком
Меж друзей и родных
Поминаю усопших,
Понимая живых...
И в Чулыме купаюсь,
И смываю года,
Чтоб уехать, не каюсь,—
Неизвестно куда...

Экспромт, написанный
за Матвеичева после вручения
ему казачьего Железного креста
имени Ермака Тимофеевича

Кто я?
Русский, и казах,
И монах, и вертопрах,
Я—
Матвеичев, поэт,
И меня надёжней нет:
И кадет,
И либерал,
Я судьбы не выбирал...

И не зря
Мне орден дал
Кривоногов, генерал!

Postskriptum:

Вновь
Судьбой Матвеичев храним:
Все кресты—на нём, а не над ним.

Задумавшись крепко—печаль на лице,
Лесник Бондаренко сидит на крыльце.
Шумит за спиной вековая тайга.
Блестит сединой борода лесника.
Всё ближе, всё глуше вечерняя тишь.
«Признайся: о чём, Бондаренко, грустишь?»
И он отвечает: «Да так, ни о чём...»
И тут же, сердая, поводит плечом:
«Всех бед и забот моих не перечеть.
Садись!»—«Отчего ж,—говорю,—не присесть?»
И вот, он—печален, я—рядышком, рад,
Сидим на крыльчке, смолим самосад.
И смотрим за дальнюю кромку лесов,
И всё, что хотим, понимаем без слов...

Наполеон

А. Третьякову

Ты хочешь знать, что сделал он,
Когда допил «Наполеон»?
Он перед зеркалом—с поклоном—
Назвался сам Наполеоном
И стал размахивать руками,
Как бы командя войсками
И в бой ведя... В конце концов,
Перебудил он всех жильцов
И стал гонять их, взяв «на мушку»...
Пока не угодил в психушку.
Его я нынче навещал—
И жалко было мне беднягу,
Когда он выдать обещал
Мне «высший орден—за отвагу»...

Поэту Полуяну,
перебегающему дорогу
на красный свет

Среди людской неразберихи
Ты будешь, был и есть таков:
Умён, как трезвый Кузнечихин
Или как пьяный Третьяков.
Наперекор автомобилям
Бежишь, стихами обуян,
Бесстрашный и любвеобильный—
О!—полупьянный Полуян...

Посвящение Астафьеву

Когда Виктор Петрович Астафьев приехал в Красноярск из Вологды, мы часто встречались с ним в редакции альманаха «Енисей». Литературная жизнь вокруг альманаха оживилась. Напечататься на его страничках вместе с Астафьевым мечтал каждый. И ответственный секретарь Иван Владимирович Уразов всячески способствовал этому. Однажды я прочитал в присутствии Астафьева стихотворение «Жаль, не играл я на белом рояле», и оно ему понравилось. Это послужило причиной возникшего посвящения.

В. П. Астафьеву

Жаль, не играл я на белом рояле,
Жаль, не скакал я на белом коне
В день, когда, белые листья роняя,
Жертвенный лес наклонялся ко мне...

Жаль, что не встретил я женщину в белом,
Не проводил её в белую ночь,
А, остывая душою и телом,
Следом за листьями бросился прочь...

И, побелевший уже: «Это я ли?» —
Думал, и видел, и слышал во сне,
Как я играю на белом рояле
Женщине в белом на белом коне...

Стихотворение появилось в альманахе «Енисей». Виктор Петрович Астафьев его, конечно же, прочитал. А композитор из Шушенского Серафим Прокопьевич Щукин написал на эти стихи романс, который прозвучал по красноярскому радио, и сейчас он звучит с лазерного диска. А Виктор Петрович любил слушать романсы, да и сам, под настроение, был не прочь спеть в компании соло или хором, под гитару...

Приглашение в «День поэзии — 2013»

Марине Саввиных

1.

О, если бы я знал, кто будет там!
Я шёл бы вслед за ними по пятам...
А нынче, сам не зная, на беду,
Один в пустыне наугад бреду —
Надеясь, что в скитаниях моих
Примкнёт ко мне Марина Саввиных...

2.

Спасибо за стихи вам!
Видит Бог —
В них аониды плачут и смеются...

Настанет срок —
И ваши двести строк
В грядущих поколениях отзовутся!

14 октября 2012

Стена

С. Кузнецихину

А жизнь нет-нет да и подкинет тему...
Ну, скажем, как мой друг стремится стену
Лбом прошибить... Огромный умный лоб.
Да и стена огромна. Нужно, чтоб
Он обошёл её... А он не хочет,
Гневливо квохчет, как весенний кочет...
Старинная кирпичная стена
Молчит в ответ... Вся в трещинах она...

В. Белкину

*в ответ на стихи из новой книги
«В дни великой смуты»*

Во времена великой смуты,
Когда неясно — что и как,
Зачем, о чём ты и кому ты
Поёшь, встревоженный земляк?
Когда никто не хочет слушать
И подпевать словам твоим,
Поёшь: «На море и на суше
Мы все не знаем, что творим!...»
В ответ — мелодия одна лишь:
«Кто был ничем, тот станет всем!...»
А ты и голос надрываешь,
И струны звонкие... Зачем?
Когда настойчиво и властно
Лжёт теле-радио-печать,
Ты вновь пытаешься напрасно
В сердцах толпу перекричать...
Чтобы себе, а не кому-то
Признаться, песней песнь поправ:
«Во времена великой смуты
Я был один, к несчастью, прав!»

Гитара

Геннадью Васильеву

Мы пустили гитару по кругу,
Чтобы вспомнить минувшие дни...
Чтобы вновь, подпевая друг другу,
Убедиться, что мы — не одни
И что нет нашей дружбы чудесней,
Потому и поём — чуть дыша
От восторга — заветные песни,
Без которых душа — не душа...
Без которых мы сами едва ли
Что-то значим — не зря мы опять
Песни старые припоминаем...
Ну а новых нам — не занимать.
Я к гитаре тяну свою руку —
Мне она в этот миг так нужна!
И гитара стремится по кругу,
И звучит за струною струна...

Первомайский сонет

*Светлой памяти Виктора
Петровича Астафьева*

Помню развесёлые гулянки—
Берег Енисея у Овсянки...
Как вокруг Астафьева народ
Собирался в дружный хоровод...

Всё, о чём мы пели, что любили,
Боже мой, о чём ни говорили,—
В мемуарах издано давно,
Много раз показано в кино...

Вот—часовня... Вот—библиотека...
Есть где помолиться... и опять
Вспомнить дорогого человека
И его «Царь-рыбу» почитать...

На дворе—желанный Первомай.
Жди, Петрович, нас, не забывай!

Приглашение на праздник

Ивану Захарову

Хочу побыть па празднике!
Ах, я устал, ей-ей...
Иван, поедem в Вязники
На праздник поскорей...
Где с песнями Фатьянова
Соперничает тишь,
Где трезвого от пьяного
Почти не отличишь...
Где слышится гармоника
У каждого крыльца,
Где мы, взгрустнув легонько,
Нальём себе винца,
И сядем под окошко,
И станем песни петь
В надежде хоть немножко
Душой помолодеть,
Где будет вторить нам с реки
Влюблённый соловей...
Иван, поедem в Вязники
На праздник поскорей!

Псевдоним

— Нету любви! Нету!
Роман Солнцев (Суфиев)

Как было можно жить поэту,
Сказавшему,
Что нет любви...
И вдаль идти по белу свету
По бездорожью
Меж людьми...
Где каждый—мрачен, нелюдим?...
...А светит
Только псевдоним...

Бондаренко уходит в тайгу

Бондаренко уходит в тайгу,
Оставляя следы на снегу...

За спиною несёт он ружьё—
Берегись, разбегайся, зверьё!

Он, прощаясь, сказал мне: «Поверь,
Нынче сам я голодный, как зверь.

А на полках моих—ни фи́га!
И поэтому манит тайга...

Кто я там? Сам себе господин!
И, надеюсь, непобедим».

Бондаренко уходит в тайгу.
Снег скрипит... А вокруг—ни гу-гу...

И пока что ему невдомёк,
Где медведь, где сохатый, где волк...

Эдуарду Русакову накануне дня рождения

Был когда-то Русаков
Членом многих редколлегий
И имел—таков-сяков—
Очень много привилегий...

Но сменились времена—
И осталась—вот те на!—
Точно верная жена,
Привилегия одна:

Позже лечь и раньше встать—
И писать, писать, писать!
Больше всех и лучше всех,
Без особенных помех...

Чтобы к октябрю опять
Книгу новую издать
И сказать, как джентльмен:
— Хорошо, что я—не член!
9 января 2011

Бадалык

Неужто мы дружили?
И Зорий, и Роман...
И по соседству жили...
И вместе—ох, обман!—
За славою спешили
И год, и день, и миг...
Чтоб опочить в могиле
В деревне Бадалык...
Вот Солнцева надгробье...
А вот и Яхнина...
Как много—«За здоровьем!»—
Мы выпили вина...
Доигрывая роли
В хмельные времена...